

При размышлении о поэзии и судьбе Ивана Тertyчного мне почему-то на память приходят строки другого известного русского поэта – Анатолия Передреева, посвящённые Николаю Рубцову и его последнему земному приюту – кладбищу под Вологодой, где и мне довелось не так давно поклониться могиле поэта:

*Лишь здесь порой, как на последней тризне,
По стопке выпьют... Выпьют по другой...
Быть может, потому, что он при жизни
О мёртвых помнил, как никто другой!
И разойдутся тихо, сожалея,
Что не пожать уже его руки...*

(“Кладбище под Вологодой”)

“О мёртвых помнил...” – вчитываясь в эти давно уже написанные Передреевым строки, можно сказать, что они вполне приложимы и к нему самому, и к поэту Ивану Тertyчному (именно в такой творческой ипостаси я его сейчас и рассматриваю, не забывая о том, что Тertyчный ещё и замечательный прозаик).

При жизни мне его, к сожалению, знать не доводилось, но неисповедимы пути Господни, и вот накануне его сороковин держу в руках, листаю страницы его книг, подаренных мне его вдовою Светланой Васильевной, и словно веду с ним до какого-то урочного времени отложенную добрую беседу.

Здесь надо сказать или напомнить, что сороковой день для души ушедшего от нас близкого человека имеет особо важное значение: в этот день душа усопшего переходит грань, отделяющую земную жизнь от небесной, и, по святоотеческому преданию, поставляется ангелами перед Богом, который отводит ей место до Страшного Суда и последнего окончательного определения её загробной участи.

Поэт Иван Тertyчный хотя и при жизни, говоря словами А. Твардовского, к своей литературной персоне старался “не привлекать вниманья добрых душ”, всё же был отмечен рядом значительных литературных премий, в том числе таких, как им. Н. Гумилёва, им А. Н. Толстого, “Традиция”.

Всё же, думается, учитывая наше нелитературное, непоэтическое время, главное его прочтение и признание — впереди.

Говоря о человеческой и поэтической основательности и несуетности Ивана Тertyчного, Николай Дорошенко в своём предисловии к сборнику стихов Тertyчного “Живая даль” пишет: “Я никогда не видел его имя в то и дело появляющихся и затем исчезающих “обоймах” поэтов “первого ряда”, но год за годом я вынужден был всё более пристально вчитываться в его неброские, но, оказывается, весьма основательные, предельно ёмкие, вмещающие весь космос текущей жизни стихи...”

Даже после прочтения всего лишь нескольких стихотворений из упомянутой книги у читателя, думаю, не останется ни малейшего сомнения в поэтической одарённости автора, в его знании сложной, порой трагической окружающей нас действительности, в его следовании основной линии русской поэзии, в его основательной классической “выучке”.

И совершенно не случайно, словно дальним поэтическим эхом, у Ивана Тertyчного выплывают то строка Иннокентия Анненского, то трагический образ Марины Цветаевой, то многомерный объём и свободное пространство нерифмованного стиха, то даже некая стихотворная форма, несколько напоминающая японский хайку.

И даже описанный им стол, обыкновенный письменный стол своей печальной “энергетикой” “отсылает” нас к столу святителя Игнатия (Брянчанинова), явившемуся для того предметом размышления о бренности и скоротечности всего земного: здесь сила духовной и философской преемственности.

*Сколько страстей улеглось
В стол этот, с виду обычный...*

.....
*Сколько — давно не вопрос,
Столько — давно не ответ,
Так как его уже нет.
Только особенный свет
Мира им прожитых лет
Стол изнутри согревает...*

.....
Только особенный свет.

По мере углубления в содержание сборника мы увидим, что тема бренности всего земного, тема жизни и смерти, и — вновь! — жизни, стоящей за смертью, станет, на мой взгляд, основной, доминирующей в поэтическом творчестве Ивана Тertyчного.

Ну, а пока поэт, “дитя русской глубинки”, как сказал о нём известный самарский критик Э. Анашкин, “под общий крест подставляя плечо”, чувствуя своим плечом тяжесть русского креста, всё же пытается услышать сквозь земной шум небесные звуки.

И от внимания к небесному ему приходят такие, предваряемые словами евангелиста Матфея (5:3) “Блаженны нищие духом”, свои, выстраданные слова:

*Туман упал. И я увидел выси
И широту бесчисленных светил.
И понял я тщету пытливых чисел
И нищету как радость ощутил.*

Не от блаженной ли нищеты духа, понимаемой как сосредоточенность на самом главном, следовании, служении ему, в оставлении вне поля духовного зрения вещей земных, второстепенных, поэт в посвящении А. Б. делится тем, как появляются “на свет Божий” стихи:

*Всё гораздо проще, Анна,
Всё гораздо проще...
Выплывает из тумана
Золотая роща.*

*Высоко плывёт, сияя,
Как алтарь старинный...*

И для него, православного поэта и человека Ивана Тертыхного, вся русская земля, в конечном итоге, является таким старинным алтарём, где идёт невидимая служба Творцу неба и земли.

Весь мир для поэта во всех его земных проявлениях исполнен благодати, самое малое его явление вызывает у него пристальное внимание и тихое душевное изумление:

*У чёрного сруба колодца
С тяжёлым ведром тишины
Стою
И боюсь шевельнуться...*

Всего четыре коротких строчки, а мир деревенского утра предстаёт перед нами во всей его предметной таинственности и осязаемости!

Свойственна поэту и изошрённая художническая зоркость:

*Мгновенные машины.
Свистящее шоссе.
Холодные осины,
Стоящие в росе.*

*Сорвавшись,
Лист осины
Скользнул наискосок
И летнюю картину,
Как бритвою, рассёк.*

Всё зримо, всё осязаемо, всё летнее утро с невесть откуда сорвавшимся листом осины и рассёкшим её — летнюю картину, — как бритвой, словно стоит перед нашими глазами... И ещё — ощущение какой-то подспудной непонятной тревоги. Впрочем, словами пересказывать поэзию — дело безнадежное и неблагодарное. А иначе зачем бы она, поэзия, была нужна, если бы всё можно было обрисовать и донести прозаическим словом. Но нет же! Есть тайники мира и души, доступные только поэзии.

Здесь надо ещё сказать, что настоящим поэтам, видимо, свыше дано предчувствовать, предугадывать токи, дыхание, смутный образ будущего:

*Избыточная красота.
Простор, приветы света, лета...
Всё это так,
Всё это так.
Но выплывает Аю-Даг,
Как чёрный лик
Чужой планеты...*

Обращаю читательское внимание на то, что это стихотворение написано, казалось бы, в благословенное, политически незабываемое время — в 1977 году.

Теперь же, сорок лет спустя, “чёрный лик чужой планеты” — вражду, смуту, братоненавидение между близкими народами — мы можем наблюдать въяве.

Поэт, сам плоть от плоти бытия российской глубинки, опытно, а не понаслышке знает мир, о котором пишет: ведома ему и “чернозёма корявая мощь // на осеннем распаханном поле”, дано ему видеть, как, соединяя земное и небесное,

*...сверкнули отяжелело
Купола над церковью белой,
Словно три золотые слезы...*

Дано ему кровное ощущение родной природы, стихий, завораживающих сердце поэта, прорывающихся из неё:

*Вот туча сближается с тучей...
Вот яростный проблеск из тьмы!..
А вот и волною гремучей
Накрыло дома и холмы!*

Поэт чувствует “большое-большое дыханье” неназванной им ночной громады, которая “вместо деревьев” наблюдает, вся обратившись в слух, как “паром проталины вскинута ввысь первая, чистоголосая птица” изливает с небес

*...всполох за всполохом вслед
Чистый, мгновенный, ласкающий свет
Разгорячённого свиста...*

Он восторгается своим знаменитым, известным на весь мир “земляком” – курским соловьём, что “петь горазд”, и “выдаёт за разом раз // искрящиеся лунные коленца”, так, что и “слабые смолкают голоса // перед такой неслышанною песней”.

Никакой большой лирический поэт – вся история русской поэзии свидетельство тому – немыслим без благодарного, благоговейного преклонения перед женщиной.

Отдал свою дань любовной теме и Иван Тertyчный:

*Спасибо за внезапную беседу,
За радость, шедшую за мной по следу.
Твоей улыбке и простым словам
Я говорю: “Спасибо вам!”*

*Спасибо тихой предрасветной рани,
Спасибо свету дальнему в окне...
Два паруса в великом океане
Соприкоснулись на крутой волне.
(“Благодарность”)*

Но Иван Тertyчный не замыкается только лишь в узкой сфере личных переживаний, свойственна ему и сильная, отчётливо слышимая гражданская нота.

Поэт размышляет о давно, казалось бы, прошедшей войне, о “целом мире, увиденном с изнанки” её участниками, возвратившимися домой, он вживается в физическое состояние и психологию человека на войне (стихи “Раненый”, “Минное поле”), ему дорога судьба всего православного мира, потому так и кровотоцит в его стихах трагедия сербов, их исход из Сараево:

*Оставляя домашний очаг,
Мы на пагубу ближних не бросим.
И, гробы унося на плечах,
Мы с собою отчизну уносим.*

Сербы всё же уповают, что, несмотря на всё, несмотря на злобу к ним Запада, хотя и

*Невыносим урок.
И враг жестокий — в силе.
Но есть на небе Бог,
А на земле — Россия.*

Душа поэта болит о сербах, но и проблемы своей, русской, всё более и более разоряемой земли, её покинутости хозяином не оставляют поэта, например, в стихотворении “Колодец”:

*В деревне — ни души, и потому
Старинная тропа к нему пропала,*

*И зеркало бревенчатого зала
Ушло в глухую, нежилую тьму,*

*Ушло вослед за временем былым,
За теми, для кого закрылись дали.
И только эхо — вялое, как дым, —
Плывёт из тьмы на зов твоей печали...*

3

Красной нитью сквозь всё его творчество проходит другая, важнейшая для него тема, — тема хрупкости земного бытия и приковавшая к себе всё внимание внутреннего “я” поэта неотступная тайна смерти.

И здесь остановившийся перед нею в глубоком раздумье Иван Тертыйный не одинок: в памяти всплывает уже упоминавшийся нами Н. Рубцов, который “о мёртвых помнил, как никто другой”, вспоминаются имена классиков двадцатого века С. Есенина, Б. Пастернака, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, Я. Смелякова; великих представителей века девятнадцатого: Г. Державина, А. Пушкина (одно лишь “Брожу ли я вдоль улиц шумных...” на весах мировой поэтической классики чего стоит!), М. Лермонтова, Е. Боратынского (“Смерть дочерью тьмы не назову я...”).

Не знаю, был ли знаком Иван Тертыйный (а это был 1977–1979 год, и духовная, святоотеческая литература простому читателю была недоступна) со следующими словами святителя Тихона Задонского: “...видишь, что заведённые часы непрестанно идут... непрестанно движутся и приближаются к пределу своему. Такова и наша жизнь — от рождения до смерти непрестанно течёт и убавляется; покоимся или трудимся, бодрствуем или спим, беседуем или молчим, непрестанно совершает она течение своё и приближается к концу. И уже стала ближе к концу сегодня, чем была вчера и третьего дня, в этот час, чем в прошедший. Так неприметно сокращается наша жизнь, так проходят часы и минуты! А когда кончится цепочка и перестанет ударять маятник — этого мы не знаем. Промысл Божий скрыл от нас это, чтобы всегда были готовы к отходу, когда бы ни позвал нас к Себе Владыка наш Бог.

“Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдёт бодрствующими” (Лк. 12. 37).

Окаянны те, которых он застанет погружёнными в греховный сон”.

1977 год, поэту двадцать четыре года, но его взгляд уже устремлён за пределы земного, в сферу, которая “молчаньем величала то, что я не мог постичь пока”:

*Чёрный стриж над миром сельских улиц
Прочертил мгновенный след.
И ворота, скрипнув, распахнулись
В колыхающий свет...*

*Люди, тихо гроб подняв на плечи,
Мимо окон медленно прошли...*

В стихотворении 1979 года, посвящённом памяти В. И. Шикарёвой, поэт уже понимает, что на земле хотя и “шумят берёзовые рощи, и негромко песня раздаётся, но “по пятам неслышно смерть крадётся”.

А раз “по пятам неслышно смерть крадётся”, то, как учат святые отцы, надо подготовиться к ней и встретить её в духовном всеоружии, ибо, как сказал Антоний Великий, “ежедневно умирай, чтобы жить вечно, потому что боящийся Бога будет жить вовеки”. В том же наставляет и святитель Игнатий (Брянчанинов), говоря о том, что, забывая о смерти телесной, мы умираем смертью душевной. Об этом раньше помнили все христиане, особенно монахи — “отцы пустынники”, по Пушкину.

Поэт, однако же, помнит, что “человек, имеющий смерть перед очами, побеждает уныние”, благодарно, как из руки Божьей, приемлет всё с ним случившееся в его земной жизни, умиротворённый приходит на дорогое своему сердцу кладбище, “мир поделившее на две половины”, где

*Девять берёз между мной и другими —
Дальними, ближними и дорогими...*

*Девять берёз между мною и теми,
Чьё на земле подытожилось время;*

*Девять берёз у кладбищенской чащи,
С ветром шумящих, поющих, молящих;*

*Старые сказки о вечном покое!..
Рядом живое. И вечно живое.*

“Вечно живое”! — какой всепобеждающий, жизнеутверждающий христианский аккорд! Ведь “Бог же не есть Бог мертвых, но Бог живых, ибо у него все живы” (Лк: 20, 34-38).

Когда-то я написал краткое стихотворение, посвящённое памяти всех ушедших, дорогих моему сердцу людей; ныне к ним я причисляю и раба Божьего Иоанна, замечательного поэта Ивана Тertyчного.

УШЕДШИМ

*Не странно ли: кого любили,
В глухие пропасти земли
Ушедши, дверь не затворили,
А может, вовсе не ушли.*

*Не странно ли: в закрытой зоне,
В незаходящем свете дня
Душа моя — как на ладони
У вас, а ваша — у меня...*